ФОЛЬКЛОРИСТИКА/FOLKLORE STUDIES

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2025.72.1

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ «МОДУЛЯЦИЯХ» В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ УДМУРТИИ: ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ И ДУХОВНЫЙ СТИХ

Научная статья

Толкачева С.В.[1, *]

[1] ORCID : 0000-0002-9362-3017;

[1] Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (svetlana-tolk[at]mail.ru)

Аннотация

Специфическим свойством бытования текстов лирических песен в русской фольклорной традиции Удмуртии является возможность их жанровых «модуляций», обусловленных вариантными условиями исполнения и влиянием старообрядческой веры на трактовку образов персонажей, на вариантность сюжетных линий, на подбор вербальных мотивов. В традиционной культуре северных районов Удмуртии, в частности, Балезинского района, данная особенность оказывается присуща и текстам духовных стихов.

Статья посвящена особенностям бытования лирической песни и духовного стиха «На горах-то, горах» / «Во в дали-то, дали», записанных в Балезинском районе Удмуртии с 1995 по 2005 гг.

Цели исследования:

– описание жанровой специфики лирических песен русского населения Удмуртии в традиционной исполнительской практике;

– введение в научный обиход новых текстов лирических песен, духовного стиха;

– выявление способов изменения текстов в соответствии с условиями бытования фольклорных образцов;

– анализ композиционной структуры песен со сходными сюжетами — их мотивного строения, вариативности использования мотивов;

– описание типовых и некоторых оригинальных, необычных для данной фольклорной традиции лексем, мотивов, и связанных с ними образов, мифологических смыслов.

Методы исследования — описательный, диахронный, сравительно-типологический, мотивный анализ, культурологический.

Ключевые слова: лирическая песня в Удмуртии, духовный стих в Удмуртии, горы крутые-раскатистые, пташечки-макаташечки, река хоботистая, Скоморуха.

ON THE ISSUE OF GENRE "MODULATIONS" IN RUSSIAN FOLKLORE OF UDMURTIA: LYRICAL SONGS AND SPIRITUAL VERSES

Research article

Tolkacheva S.V.[1, *]

[1] ORCID : 0000-0002-9362-3017;

[1] Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

* Corresponding author (svetlana-tolk[at]mail.ru)

Abstract

A specific trait of the existence of lyrical song texts in the Russian folk tradition of Udmurtia is the possibility of their genre "modulations", caused by varying performance conditions and the influence of Old Believer faith on the interpretation of character images, on the variability of plot lines, and on the selection of verbal motifs. In the traditional culture of the northern regions of Udmurtia, in particular the Balezinsky district, this feature is also inherent in the texts of spiritual poems.

The article is devoted to the specifics of the existence of the lyrical song and spiritual verse "Na gorah-to, gorah" / "Vo v dali-to, dali", recorded in the Balezinsky district of Udmurtia from 1995 to 2005.

Research objectives:

– description of the genre specifics of lyrical songs of the Russian population of Udmurtia in traditional performance practice;

– introduction of new lyrics of songs and spiritual poetry into scientific use;

– identification of ways to modify texts in accordance with the conditions of existence of folklore samples;

– analysis of the compositional structure of songs with similar plots — their motivic structure, variability in the use of motifs;

– description of typical and some original lexemes, motifs, and related images and mythological meanings that are unusual for this folklore tradition.

The following research methods were used: descriptive, diachronic, comparative-typological, motivational analysis, cultural studies.

Keywords: lyrical song in Udmurtia, spiritual verse in Udmurtia, steep rolling mountains, little birdies, meandering river, Skomorukha.

Введение

Русский фольклор — самобытное явление в культурной жизни Удмуртии. Обладая определённой целостностью, обусловленной территориальными, конфессиональными, этническими и другими факторами, в то же время русский фольклор Удмуртии включает в себя множество локальных традиций. Яркими, относительно самостоятельными и своеобразными чертами обладают диалектные традиции северных районов Удмуртии, и, в частности, Балезинского района.

В данной статье рассматривается группа сходных текстов песен и духовного стиха «Ох, на горах-то, горах» / «На горе-то было, слышь, на гороньке» / «На горе-то, гаре» / «Во в дали-то, дали», записанные в двух сёлах Балезинского района Удмуртии — в с. Карсовай и в с. Сергино. Записи были сделаны в 1994-2001 гг. автором статьи в ходе фольклорных экспедиций Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УрО РАН) и хранятся в Научном отраслевом архиве УИИЯЛ УрО РАН (НОА УИИЯЛ). Две песни опубликованы [11, С. 86], [13, С. 151–154]. Для анализа привлечены материалы диссертационной работы «Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики» исследователя русского музыкального фольклора Удмуртии этномузыколога Е.А. Скляровой, записанные ею в с. Сергино Балезинского района [9, С. 191–192].

Основная часть

2.1. Презентация текстов

В феврале 1995 г. в с. Карсовай Балезинского района была записана песня «Ох, на горах-то, горах». По словам её исполнительницы — Н.Е. Власовой, это была одна из любимых песен её дедушки. Во время записи Н.Е. Власова сетовала, что вспомнила лишь первые строки песни:

Ох, на горах-то, горах даᵊ на Макарьевских.
Ох, тут стоялаᵊ жо даᵊ церкоф славная.
Ох, церкоф славнаᵊ(а)я даᵊ семиглавная.
Как на той-то церькве даᵊ стоял крестичёк.
Стоял крестичёг(ы) дак спозолочёный.
Стоял крестичёг(ы) дак спозолоченый.

(Запись 1995 г. в с. Карсовай Балезинского района. Исполнитель — Н.Е. Власова, 1933 г.р., [11, С. 86]).

Согласно сведениям Е.А. Скляровой, в с. Карсовай духовные стихи могли называться «д***а***внишними стишками», и дед Н.Е. Власовой пел один и тот же текст и в обычной, житейской ситуации, и во время духовной практики, на молениях: «Это вот давнишный стишок спою. Дедушка на моленьях пел, да и так просто, когда вечером» [8, С. 162].

Через 6 лет, в 2001 г., Н.Е. Власова прочитала по тетради новый вариант текста песни — «Ох, на горах-то, горах, на высоконьких». Он был записан со слов соседки, ранее жившей в одной деревне с её дедом:

Ох, на горах-то, горах на высоконьких.
Тут стояла церькоф главная.
Церькоф славная, семиглавная.
А на той-то церькве стоял крестичёк.
А на том кресте сидит пташечка.
Сидит пташечка-кинареюшка…
Высоко сидит, далеко гледит.
Улетить хотит во камыш траву.
Во в камыш траву, траву шёлкову, полушёлкову.
– У кого это вы списали?
– Эᵉто, тут одна есть женщина, Ирина, у ней списала. Ну, вот всё равно, не по дедушку, не по дедушкину, всё равно маленько… Но вот стих – это иначе, а это – иначе.

(Запись 2001 г. в с. Карсовай Балезинского района. Исполнитель — Н.Е. Власова, 1933 г.р. НОА УИИЯЛ).

Во время этой же экспедиции, в 2001 г., был зафиксирован духовный стих «На горе-то было, слышь, на гороньке», исполненный дуэтом — Н.Е. Власовой и её соседкой Е.Г. Светлаковой. Н.Е. Власова пела по тесту, заранее записанному ею в тетради, а Е.Г. Светлакова — по памяти:

На горе-то было, слышь, на гороньке.
На крутой-то горе да на раскатистой.
Там построено да село но… новое.
Село новое, семидомо…(о)вое.
И построена там церьковь шестиугольная.
И построена там церьковь новая.
Церьковь новая, шестиугло…(о)вая.
Как на той-то церькве да ишо кре…(э)стики.
Ишо крестики стоят дубо…(о)вые.
Перекладинки на них кедровые.
А на тех-то крестах да сидят пташетьки.
Сидят пташитьки да кинаре…(эᵉ)юшки.
Они песни поют да заунывные.
Они речь говорят да речь хорошу ведут.
Они речь говорят да речь хорошу ведут.
Поженить парня (х)они хотят.
– А я не буду жениться и не буду жить с женой.

Пойду в церькву я новую служить.
И не послушал сын отца.
Убежал из-под венца.
В церькву новую служить нанелса.
Служил год, служил он года два.
И у парня заболела голова.
И парень тот ушёл ведь в мо(хо)настырь.
(Запись 2001 г. в с. Карсовай Балезинского района. Исполнители – Н.Е. Власова, 1933 г.р., Е.Г. Светлакова, 1918 г.р. НОА УИИЯЛ).

Таким образом, в полевом архиве УИИЯЛ оказалось несколько вариантов текстов песни и духовного стиха «Ох, на горах-то, горах», зафиксированные в с. Карсовай от Н.Е. Власовой и Е.Г. Светлаковой с 1995 по 2001 гг.

В 1994, 2000, 2001 гг. в с. Сергино Балезинского района была записана песня «На горе-то, горе» / «Во в дали-то, дали». Текст её аналогичен песне «Ох, на горах-то, горах» и духовному стиху «На горе-то было, слышь, на гороньке» из с. Карсовай. Песня «На горе-то, горе» исполнялась в любое время, по желанию собравшихся людей:

На горе-то, горе да, есть да на го(о)ру(о)шке.
Есть да на горке да есть да на высокой.
Село да новое, село весёл(о)ла(ахо)е.
Как во в том-то селе да церьковь но(о)ва(ха)я.
Церьковь новая, семиугло(эохо)ва(а)я.
На седьмом-то углу да Хрест золо(о)че(хе)ной.
Крест золоче(еᵊ)ной да с-позо(оох)лоче(хе)ной.
Как на том-то кресте дак сидят пта(э)ше(аээ)чки.
Сидят пташечки да маката(э)ше(эхэ)чки.
Высоко-то сидят да далеко(о) гле(хе)дят.
Через три-те поля, поля широко(и)ё.
Через три-те луга, луга зелёные…
(Запись 1994 г. в с. Сергино Балезинского района. Исполнители – А.Н. Макарова, 1925 г.р., А.Е. Макарова, 1936 г.р., Е.А. Некрасова, 1929 г.р., А.С. Никоношина, 1935 г.р., А.И. Савина, 1936 г.р., А.М. Савина, 1940 г.р., М.М. Савина, 1931 г.р. НОА УИИЯЛ).

***

На горе-то, гаре да, есть да на го(о)ру(ооо)шке.
Есть да на горушке да сᵚело но(ооо)ва(аааaох)ё.
Сᵚело новоё, село весёл(ооох)ло(аох)ё.
Как во в том-то сᵚеле да Церьков но(ох)ва(ах)я.
Церьков новая, сᵚемиугло(ооох)ва(аааaᵊх)я.
На седьмом-то (х)углу да Хрест зало(ооооох)че(еᵊеᵊеᵊеᵊх)ной.
Крест залоче(еᵊ)ной да/дак с-позо(оох)лоче(еᵊеᵊеᵊеᵊх)ной.
Как на том-то кресте да/дак сᵚидят пта(эээх)ше(аээ)чки.
Сᵚидят пташечки да маката(аᵊаᵊэ)ше(ээээ)чки.
Вэʲсоко-то сᵚидят да далеко(оо) гле(еᵊеᵊеᵊх)дят.
Далее текст в пересказе:
Как за три-те поля, поля широкиё.
Как за три-те лога, лога зелёныё.
Как за три-те леса, леса дремучиё.
Как за три-те болота доᵃ сыпучиё.
Через три-те реки да, реки быстрыё.
Реки быстрыё да омутистыё.
Омутистыё да хоботистыё.
– Там уж болота ещё, моря… Ак ищё кочки там.
– Болота трясучиё да кочки зыбучиё.
– Моря глубокиё…
(Запись 2001 г. в с. Сергино Балезинского района. Исполнители — А.Е. Макарова, 1936 г.р., А.А. Некрасова, 1928 г.р., А.И. Савина, 1936 г.р. [13, С. 151–154]).

Этномузыколог, исследователь русского музыкального фольклора Удмуртии Е.А. Склярова от ансамбля певиц с. Сергино Балезинского района в 2005 г. зафиксировала песню «Во дали-то, дали, есть да на горушке» с другим окончанием текста [9, С. 191-192]. Феномен того, что запись 2005 г. содержит более полный текст и новые вербальные мотивы связан, вероятно, с тем, что память певиц активизировалась, и они вспомнили, или сымпровизировали (?), продолжение и завершение песни.

2.2. Экспозиционные мотивы песен и духовного стиха «На горе-то, горе» / «Во в дали-то, дали»

Сюжеты песни / духовного стиха «На горе-то, горе» / «Во в дали-то, дали» складываются из нескольких эпизодов. Начальный эпизод включает сходные и общие мотивы. Это описание горы, села, церкви, Креста, птиц.

В дальнейшем песенные сюжеты развиваются по-разному. В духовном стихе из с. Карсовай происходит поворот на описание неудавшейся женитьбы молодого человека и его уход в монастырь. В песне из с. Сергино продолжает развиваться тема любования гармонией окружающего мира природы. В экспозиции пространства мотивы, повествующие о красоте суши — полей, лугов, сменяются на описание водной стихии — болот, рек, морей.

Экспозиционные вербальные мотивы многовариантны и в разных текстах имеют свои нюансы. Горы называются «Макарьевскими», «высоконькими» (исполнитель Н.Е. Власова), «высокими» (с. Сергино). Оригинальная характеристика гор прозвучала в духовном стихе в исполнении Е.Г. Светлаковой, где они названы «крутыми-раскатистыми». Лексема «раскатистый» в обозначенной фольклорной традиции встречается в единичных вариантах, например, в свадебных причитаниях «Раскатись-ко, баня-паруша» [14, С. 18] и «Роскатися, баня-матушка», бытующих в Балезинском районе:

Роскатися, баня-матушка да,
Не достанься родному батюшку.
По единому бревёшечку,
По единому камешочику…
(Запись 1994 г. в д. Гаревская Балезинского района. Исполнитель – А.А. Гордина, 1912 г.р. НОА УИИЯЛ).

Лексема «раскатись» широко распространена в русском языке. Например, в словаре В. И. Даля приведено выражение «раскатать бревна» [5, С. 59]. В свадебных причитаниях лексема «раскатись» связана с женским началом — «баня-паруша», «баня-матушка», что подчёркивается сравнением и противопоставлением образов «бани-матушки» и «родного батюшки». В причитаниях эти образы подчёркивают ритуальный переход невесты, символизируют распад её прежних девических привычек и изменение внутреннего состояния, а в духовном стихе эпитет горы — «крутые-раскатистые» — обрисовывает мощный, сильный образ мифологизированного природного ландшафта, обладающего потенциальной кинетикой.

Необычный, «сказочный» образ села в песне «На горе-то, горе» передаётся выражением «село весёлое» (с. Сергино). В русском фольклоре на территории Удмуртии вплоть до настоящего времени бытует пласт лексики, связанный со скоморошеством [1]. В этой же местности, а также в северных, северо-западных и северо-восточных диалектных фольклорных традициях Удмуртии ещё в конце XX века бытовала хороводно-игровая песня «Скомору ходила» [12, С. 168]. Название / имя главной героини этой песни — «Скомора» / «Скоморуха». Сюжет песни основан на двух-трёх кратном повторении мотива, когда «Скоморуха» «просится в дом переночевать». В первый раз ей отказывают, на вторую / третью просьбу отвечают положительно. В песне также присутствует лексема «весёлый»:

Скомору ходила вдоль по улице,
Весело гуляла вдоль по широкой…

По-видимому, словосочетание «село весёлое» из песни «На горе-то, горе» (с. Сергино) сохраняет в народной памяти ещё одно свидетельство о живших на этой земле «весёлых» людях — скоморохах, оставивших свой след в фольклорных произведениях этой земли.

Широкая вариативность наблюдается также и в описании церкви и Креста. Церковь определяется как «славная», «семиглавная», «главная», «новая», «шестиугловая», «семиугловая». Крест называется ласково — «крестичёк». Он — «спозолоченый», «крестики» на нём новые, «перекладинки» — кедровые.

Привлекает внимание разночтения в тексте духовного стиха из с. Карсовай в числах «углов» церкви. Она называется и «шестиугловой», и «семиугловой». Оба этих числа в христианстве имеют сакральное значение. Например, число «6» трактуется как число дней Творения, а «7» — число целостности, Святого Духа [4, С. 128, 130]. В песне из с. Сергино число «7» используется для характеристики села. Оно называется «семидомовым», т.е. полным, большим.

Для старообрядческой культуры также свойственно особое внимание к символике чисел. Именно среди представителей старообрядчества широко распространён стих «О числах» («Вы, люди наученные», «Вы, люди оные»). Так, о числе «6» в нём говорится, что это «шесть крыл херувимскиих», а о числе «7» — «семь чинов ангельских» [2, С. 274]:

…Вы люди оные,
Рабы поученые,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть семь?
«Семь чинов ангельских,
Шесть крыл херувимскиих;
Пять ран без вины Господь терпел;
Четыре листа Евангельски;
Три патриарха на земле;
Два тавля Моисеовых;
Един Сын Мариин,
Царствует и ликует
Господь Бог над нами…»

Достаточно разнопланово представлены мотивы о птицах, сидящих на Кресте. Птицы называются «пташечками», «кинареюшками», «макаташечками». Если лексема «кинарейка», в том числе «пташки-кинареюшки», в русском фольклоре Удмуртии встречается часто, то словосочетание «пташечки-макаташечки» — только в песне «На горе-то, горе» (с. Сергино). В диссертационном исследовании Е.А. Скляровой приведено объяснение народных исполнителей слова «макаташечки»: «…макаташки — наверно, маленькая птичка, божественная она» [8, С. 142].

Слово «макаташечки», обозначавшее «женские груди», зафиксировано в Вологодской, Олонецкой, Пермской, Ярославской губерниях, на Урале [10, С. 309]. Согласно научным изысканиям этнолингвиста, специалиста по славянской этимологии и семантической типологии Т.В. Горячевой, в словосочетании «под микитки» используется «… архаическое **mękyta*…», которое «…первоначально употреблялось для обозначения мягкой части тела вообще… на

это, как нам кажется, указывает и русск. диал. (волог.) *мякитишки* (-*шек*) ж. «женские груди»…, (вариант) русск. диал. (яросл.) *макаташечки* то же…» [3].

Вероятно, в выражении «пташечки-макаташечки» отражается сопоставление и возможное частичное соединение образов птицы и женщины. В этом словосочетании в телесном, природном «реальном» смысле могут подразумеваться птица и часть женского тела. Также в архаическом выражении «пташечки-макаташечки» состыкуются не только телесные, но и характерные душевные качества, присущие и приписываемые птицам и женщинам — свобода в перелётах у птиц, женская мечтательность, мягкость, беззащитность, хрупкость и т.д. Получается, что в диалектном выражении «пташечки-макаташечки» соотносятся и природный план, и душевный, передающий более тонкие формы бытия, и, ссылаясь на объяснения народных исполнителей, духовный, «божественный». В результате в песне используется древний, ёмкий, насыщенный мифологической символикой образ.

В духовном стихе, исполненном в 2001 г. в с. Карсовай, дано не только описание птиц, но и обозначено их судьбоносное влияние на людей, и, в частности, на одного из героев — «парня». Это «пташечки-кинареюшки», которые не только «высоко сидят, далеко глядит, улететь хотят», как в других текстах, но и «песни поют заунывные», «речь говорят», «речь хорошу ведут», «поженить парня хотят». На описании «пташечек» общая часть сюжета для всех текстов завершается.

Если описанные фрагменты текстов рассматривать как единый «мета»-текст, то можно отметить следующее. Каждый вариант мотива обладает какой-либо специфической, ему присущей, особенностью. Например, выражение «село весёлое», сохранившее в себе память о «весёлых» людях, «село семидомовое», где обнаруживается тяготение народного мировоззрения к упорядоченности в счёте и к символизации чисел и указывающее на «полноту», обустроенность, «самодостаточность» села.

Также и в совокупности вариантов проявляются аллюзии на образы, необычные или редкие для данной фольклорной традиции. Сочетание мотивов «горы раскатистые» и «пташки, поющие песни», которые имеют возможность влияния на судьбу человека, отсылает к русской эпической традиции, в частности, к образам былины о Дюке Степановиче. Как известно, в вариантах этой былины препятствиями на пути богатыря в поездке в Киев являются «горы толкучие» и «птицы заклевучие» [7, С. 12], [15, С. 153–158]. Конечно, образы «гор раскатистых» и поющих, «говорящих» и «велящих» «пташечек-кинареюшек» в текстах песни и духовного стиха являются лишь аллюзиями на преодолённые богатырём преграды в описании путешествия Дюка Степановича. Тем не менее, они достаточно яркие, характерные, и по мифологической насыщенности, наполненности, глубине, вполне соотносятся с эпическими образами былины.

2.3. Некоторые специфические особенности текстов из с. Карсовай

Наличие сходного текста и похожие напевы с незначительными расхождениями подтверждают, что песня и духовный стих из с. Карсовай — варианты одного фольклорного произведения.

Тексты из с. Карсовай соотносятся с напевом, имеющим незначительные мелодические и ритмические варианты. Исполнительница Н.Е. Власова в рассказах и комментариях всегда акцентировала, что эта песня — любимая песня её дедушки. И сама она пела именно песню, и, впоследствии, читала текст песни, записанной от соседки Ирины, ранее жившей в одной деревне с её дедом. В процессе записи духовного стиха в дуэте с Е.Г. Светлаковой она утверждала, что текст духовного стиха и его мотив отличается от мотива и текста песни, и с большим трудом пыталась подстроиться под пение соседки Е.Г. Светлаковой.

Таким образом, за 6 лет, прошедших между двумя записями, исполнительница вспомнила и уточнила у своих односельчан слова песни, появились новые, или уже основательно «забытые», условия её бытования — на собраниях членов религиозной общины. Н.Е. Власова и Е.Г. Светлакова, соседка и подруга Н.Е. Власовой, пояснили, что стих «На горе-то было, слышь, на гороньке» стих — православный, поскольку в нём упоминается Церковь: «Раньше говорили токо, што не староверский — православный стих. Церьковь, видишь, поминаца... А у староверов чё — Церьква нету дак» [НОА УИИЯЛ].

Необходимо отметить, что с. Карсовай и его окрестности – место проживания общин старообрядцев-беспоповцев. Сюжет духовного стиха «На горах-то, горах» был бы необычен для лирической песни, но характерен именно для жанра духовных стихов, исполняемых представителями этой конфессии в данной местности (так называемого Верхокамья, поскольку неподалёку находится исток р. Кама, термин «Верхокамье» взят из работ И.В. Поздеевой [6, С. 222]).

Понять коллизию сюжета духовного стиха позволяют сведения историка, археографа, исследователя рукописной и старопечатной славяно-русской книги, русского старообрядчества И. В. Поздеевой, полученные в результате десятилетий её полевой и исследовательской работы: «… представители поморского согласия верили, что спасение возможно только при условии безбрачия. Эта тема — одна из центральных в учении поморцев, причина раскола внутри этого согласия, причина вековых поисков решения. В стихах тема требования безбрачия возникает постоянно. Самый прямой и ясный вариант решения — уход в монастырь» [6, С. 237].

2.4. Некоторые специфические особенности текстов из с. Сергино

Вариантность, присущая народной культуре, и особо сохранившаяся в старообрядческой среде, ярко проявляется и в текстах лирической песни из с. Сергино Балезинского района. В процессе записи фольклорного материала во время летней экспедиции 2001 г. в песне «На горе-то, горе» в экспозиции природного водного ландшафта певицы впервые использовали уникальное для фольклорной традиции Удмуртии слово «хоботистая»: «…Реки быстрыё да омутистыё. / Омутистыё да хоботистыё…». Выражение «хоботистая речка» присуще архангельским говорам, оно включено в словарь В. Даля: «…хоботистая речка, арх. [излучистая, вилявая]» [5, С. 571].

Песни «На горе-то, горе» / «Во в дали-то, дали», зафиксированные автором статьи в течение 8 лет (1994-2001 гг.), на описании водного ландшафта завершались. В 2005 г. этномузыкологом Е.А. Скляровой был записан вариант песни «Во дали-то, дали» с иным завершением:

… Не велела мать часто в гости быть,
Прожила я год, да
Прожила я два.
В-на третий год да зажурилася,
К родной матушке да запрасилася.
Не придет ли мать рано воду брать?
Сяду я на ветку, буду куковать.
[9, С. 191–192].

Вариант песни «Во дали-то, дали», записанный Е.А. Скляровой в 2005 г., содержит сюжет и мотивы, характерные для лирических, свадебных и рекрутских песен всех диалектных традиций Удмуртии: возвращение девушки или солдата домой к матери после достаточно долгой разлуки. В этих песнях сообщаются такие периоды отсутствия — 3 года и 7 лет (для женщины), 25 «годочков» (для солдата). Гость — дочь или сын / муж — соскучившись, возвращается домой, часто в образе птицы (сокола, кукушки), и садится на ветку. Обычно гость разговаривает с матерью (иногда — с возлюбленной) через окно. В некоторых вариантах мотива общение происходит в саду, как, например, в лирической песне «Стояла рябинушка по край реченьки» из д. Котово Каракулинского района или в «некрутовской» песне «Ни кокуй-кося, кукушка» из с. Малые Калмаши Каракулинского района (тексты приводятся в сокращении, без учёта музыкальной формы):

…На семнадцать годичёк замуж выдала,
Выдала мать дочиньку не за ровнюшку.
Отдавала мать дочиньку не за ровнюшку,
Не за ровню, старова за седого старика.
Осержусь на мамоньку на родимую,
Не приеду в гости к ей ровно три года,
На четвёртый годичёк пташкой прилечу.
В эту пору-времичко мать-то не спала,
Ходила по горенке, сношку будила.
– Вставай, вставай, сношинька, вставай, пробудись.
Кто у нас во садике жалобно поёт?
Не моя ли дитятка горьки слёзы льёт?
(Запись 1994 г. в д. Котово Каракулинского района. Лирическая песня «Стояла рябинушка по край реченьки» [11, С.19]).

***

…Посулюсь к мамаше в гости,
Через двадцыть пять годочков
Прилечу(о) я соколочком.
Ся(э)ду в сад пиред окошком,
Закукую я кокушкой,
Прокукую я кокушкой, ох,
Закукую я ребою.
(Запись 1994 г. в с. Малые Калмаши Каракулинского района. «Некрутовская» песня «Ни кокуй-кося, кокушка» [11, С. 19]).

В песне «Во дали-то, дали» мотив возвращения девушки, выданной замуж и её общения с матерью в образе кукушки сочетается с мотивом «хождения матушки за водой». Данные мотивы — черпание воды, хождение за водой — широко распространены в хороводных, плясовых, свадебных песнях. В лирических песнях региональной фольклорной традиции они встречаются редко.

Заключение

Анализ текстов русской лирической песни и духовного стиха «На горах-то, горах» (с. Карсовай), «Во в дали-то, дали» (с. Сергино), «На горе-то, гаре» (с. Сергино), бытующих в Балезинском районе Удмуртии, позволил сделать следующие выводы:

– сходные или идентичные фольклорные тексты могут исполняться в разных условиях — в быту, на праздниках, на религиозных собраниях. Вплоть до начала XXI в. в северных районах Удмуртии существовала традиция достаточно свободной закреплённости, «мигрирования» песенных текстов за разными житейскими и обрядовыми ситуациями, в том числе возможность их исполнения в религиозной практике и в бытовых, обыденных ситуациях;

– повторные записи через несколько лет активизируют память исполнителей и дают как бы «внешний» толчок для «внутреннего» развития и обновления диалектной традиции;

– религиозное мировоззрение и ситуации исполнения песен с высоким духовным настроем оказывают влияние на изменение вербального текста, на его сюжет, выбор и состав мотивов. Появляются новые художественные образы, обусловленные конфессиональными факторами и присущие фольклорным образцам только данной локальной традиции региона;

– исполнителями импровизируются новые сюжетные повороты посредством включения известных по песням других фольклорных жанров мотивов и образов – возвращение героя / героини «гостем» в родной дом через определённое количество лет, общение через окно. В песне «Во в дали-то, дали» запечатлён оригинальный сплав мотивов хождения за водой и возвращения («прилёта») дочери после долгой разлуки, её «кукования»;

– конфессиональные, исторические и географические факторы создали условия для бытования в песнях и в духовных стихах реликтовых диалектных выражений — «реки хоботистые», «пташечки-макаташечки», ярко

выраженной тенденции к описанию мира посредством числовой символизации. В текстах сохранилась лексика из скоморошьей культуры, встречается топоним «горы Макарьевские»;

– при рассмотрении группы текстов как единого мета-текста прослеживается сходство в последовании мотивов «горы крутые-раскатистые» и «птицы говорящие», которые позволяют соотнести их с символикой общерусской эпической традиции, в частности, с описанием путешествия Дюка Степановича из одноимённых былин;

– и в песнях, и в духовном стихе сохраняются сходные стилистические диалектные особенности вербальной ткани.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Болдырева В.Г. Традиции скоморохов в Удмуртии / В.Г. Болдырева, С.В. Стародубцева; отв. ред. В.А. Поздеев // Скоморошина : материалы IV региональной научно-практической конференции «Вятский фольклор. Традиции и современное бытование народного юмора и сатиры». — Киров, 1997. — С. 66–70.

2. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. / Сост, вступит. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 351 с.

3. Горячева Т.В. К этимологии выражения «под микитки» / Т.В. Горячева. — URL: https://royallib.com/read/goryacheva_tatyana/k_etimologii_virageniya_pod_mikitki.html#0 (дата обращения: 15.08.2025).

4. Гудимова С.А. Числа сакральные, числа символические / С.А. Гудимова // Вестник культурологии. — 2017. — № 3. — С. 122–134.

5. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. — Санкт-Петербург; Москва : Изд. М.О. Вольфа, 1882. — Т. 4. P-V. — 712 с.

6. Поздеева И.В. «Воспой гласом, воспой духом». Духовная лирика старообрядческих поморских общин Верхокамья / И.В. Поздеева // Acta Baltico-Slavica, 37 SOW. ISS PAS. — Warszawa, 2013. — С. 221–247. — DOI: 10.11649/abs.2013.015.

7. Прозоров Р.Л. Об одном вероятном шаманском мотиве в русских былинах / Р.Л. Прозоров // Исторический формат. — 2020. — № 1. — С. 8–20.

8. Склярова Е.А. Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики / Е.А. Склярова. — Санкт-Петербург, 2015. — Т. 1. — 240 с.

9. Склярова Е.А. Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики / Е.А. Склярова. — Санкт-Петербург, 2015. — Т. 2. — 229 с.

10. Словарь русских народных говоров. — Ленинград : Наука, 1981. — Вып. 17. «Леснокаменный – масленичать». — 384 с.

11. Стародубцева С.В. Ох, роспечальное моё сердечко (песни из репертуара Н.Е. Власовой) / С.В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — Вып. 1. (Русский фольклор Удмуртии). — 226 с.

12. Стародубцева С.В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Монография / С.В. Стародубцева; отв. ред. Т.Г. Владыкина. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 421 с.

13. Стародубцева С.В. Протяжная «На горе-то, горе да, есть да на горушке»: размышления после расшифровки / С.В. Стародубцева; отв. ред. Т.Г. Владыкина // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия : материалы конференции. — Ижевск, 2001. — С. 148–154.

14. Толкачева С.В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии : учебно-методическое пособие / С.В. Толкачева. — Ижевск : Удмуртский университет, 2013. — 62 с.

15. Топорова Т.В. Русское горы толкучие – древнеисландское *Hnit-bjǫrg* «сталкивающиеся горы» / Т.В. Топоров; отв. ред. Т.М. Николаева // Имя: Семантическая аура. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — С. 151–165.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Boldireva V.G. Traditsii skomorokhov v Udmurtii [Traditions of skomorokhs in Udmurtia] / V.G. Boldireva, S.V. Starodubtseva; resp. ed. V.A. Pozdeev // Skomoroshina [Skomoroshina] : materials from the IV Regional Scientific and Practical Conference "Vyatka Folklore. Traditions and Contemporary Existence of Folk Humour and Satire". — Kirov, 1997. — P. 66–70. [in Russian]

2. Golubinaya kniga. Russkie narodnie dukhovnie stikhi XI-XIX vv. [Dove Book. Russian folk spiritual poems of the XI–XIX centuries] / Compiled, introductory article, notes by L.F. Soloshchenko, Yu.S. Prokoshina. — Moscow : Moscow Worker, 1991. — 351 p. [in Russian]

3. Goryacheva T.V. K etimologii virazheniya "pod mikitki" [On the etymology of the expression "pod mikitki"] / T.V. Goryacheva. — URL: https://royallib.com/read/goryacheva_tatyana/k_etimologii_virageniya_pod_mikitki.html#0 (accessed: 15.08.2025). [in Russian]

4. Gudimova S.A. Chisla sakralnie, chisla simvolicheskie [Sacred numbers, symbolic numbers] / S.A. Gudimova // Vestnik kulturologii [Bulletin of Culturology]. — 2017. — № 3. — P. 122–134. [in Russian]

5. Dal V.I. Tolkovii slovar zhivago velikorusskogo yazika [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] : in 4 vol. / V.I. Dal. — Saint Petersburg; Moscow : Publishing House of M.O. Wolf, 1882. — Vol. 4. R-V. — 712 p. [in Russian]

6. Pozdeeva I.V. "Vospoi glasom, vospoi dukhom". Dukhovnaya lirika staroobryadcheskikh pomorskikh obshchin Verkhokamya ["Sing with your voice, sing with your spirit". Spiritual lyrics of the Old Believer Pomor communities of Verkhokamye] / I.V. Pozdeeva // Acta Baltico-Slavica, 37 SOW. ISS PAS. — Warszawa, 2013. — P. 221–247. — DOI: 10.11649/abs.2013.015. [in Russian]

7. Prozorov R.L. Ob odnom veroyatnom shamanskom motive v russkikh bilinakh [On one probable shamanistic motif in Russian epics] / R.L. Prozorov // Istoricheskii format [Historical Format]. — 2020. — № 1. — P. 8–20. [in Russian]

8. Sklyarova E.A. Muzikalnii folklor v kalendarnikh obryadakh russkikh starozhilov Udmurtskoi Respubliki [Musical folklore in the calendar rituals of Russian old-timers in the Udmurt Republic] / E.A. Sklyarova. — Saint Petersburg, 2015. — 240 p. [in Russian]

9. Sklyarova E.A. Muzikalnii folklor v kalendarnikh obryadakh russkikh starozhilov Udmurtskoi Respubliki [Musical folklore in the calendar rituals of Russian old-timers in the Udmurt Republic] / E.A. Sklyarova. — Saint Petersburg, 2015. — Vol. 2. — 229 p. [in Russian]

10. Slovar russkikh narodnikh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. — Leningrad : Nauka, 1981. — Iss. 17. "Lesnokamennii – maslenichat". — 384 p. [in Russian]

11. Starodubtseva S.V. Okh, rospechalnoe moyo serdechko (pesni iz repertuara N.E. Vlasovoi) [Oh, My Sad Heart (Songs from the Repertoire of N.E. Vlasova)] / S.V. Starodubtseva. — Izhevsk : UIIYaL UrB RAS, 1999. — Iss. 1. (Russian Folklore of Udmurtia). — 226 p. [in Russian]

12. Starodubtseva S.V. Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurechya. Monografiya [The Russian round dance tradition of the Kamsko-Vyatsky river basin. Monograph] / S.V. Starodubtseva; resp. ed. T.G. Vladikina. — Izhevsk : UIIYaL UrB RAS, 2001. — 421 p. [in Russian]

13. Starodubtseva S.V. Protyazhnaya "Na gore-to, gore da, yest da na gorushke": razmishleniya posle rasshifrovki [The drawn-out "Na gore-to, gore da, est" da na gorushke’: reflections after transcription] / S.V. Starodubtseva; resp. ed. T.G. Vladikina // Finno-ugorskaya folkloristika na poroge novogo tisyacheletiya [Finno-Ugric folklore studies on the threshold of the new millennium] : conference Proceedings. — Izhevsk, 2001. — P. 148–154. [in Russian]

14. Tolkacheva S.V. Russkii muzikalnii svadebnii folklor Udmurtii [Russian musical wedding folklore of Udmurtia] : teaching manual / S.V. Tolkacheva. — Izhevsk : Udmurt University, 2013. — 62 p. [in Russian]

15. Toporova T.V. Russkoe gori tolkuchie – drevneislandskoe Hnit-bjǫrg "stalkivayushchiesya gori" [Russian mountains — Old Icelandic Hnit-bjǫrg "colliding mountains"] / T.V. Toporov; ed. T.M. Nikolaeva // Imya: Semanticheskaya aura [Name: Semantic aura]. — Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2007. — P. 151–165. [in Russian]